

Максим Неспящий

По праву сильного

Максим Олегович Неспящий

По праву сильного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69280081

SelfPub; 2023

Аннотация

Получивший смертельное ранение солдат оказывается отрезанным от своей группы, погребенный в сотнях метров под землей на чужой планете, пригодной к терраформированию. Изолированный, лишенный связи, умирающий, новоиспеченный выпускник военного инженерного училища вынужден пройти через ад чуждого мира в борьбе за свою жизнь с невыносимым, преследующим его древним ужасом.

Максим Неспящий

По праву сильного

34-й рывком очнулся от странного звука. Мгновение спустя он осознал, что это его крик, и заставил себя прекратить.

Автоматика скорлупы уже сообразила, что пользователь ранен, и выстрелила аварийным маяком, но он с лязгом врезался в свод пещеры, и остался лежать где-то неподалёку, мигая и пощелкивая.

Скорлупа-слишком массивная конструкция для замкнутых пространств. Она спроектирована, чтобы обеспечивать абсолютное превосходство под открытым небом, потому и «хранитель», который должен был улететь аж в стратосферу, тут-не более, чем осветительный прибор. Очень ненадежный осветительный прибор.

Солдат полистал картинку в визоре, отсек эпилептические мигания маяка, чтобы лучше видеть в крошечной темноте пещеры – все это заняло доли секунды – и попытался подняться на ноги. Это оказалось невозможным: его тело ниже пояса оканчивалось мешаниной из костей и внутренностей, густо залитых реанимационной пеной, буквально приклеившей его к земле.

Нужно отдать должное боевым стимуляторам: не было ни боли ни паники-только непривычная ясность мысли.

Солдат попытался приподняться на руках, чтобы осмот-

реться, но пена держала слишком крепко. Тогда он откинулся на спину, нащупал края, и начал постепенно отскребать себя от гранитного пола пещеры, уставившись в низко нависающий каменистый потолок, и пытаясь восстановить в памяти последние события.

Формальный брифинг перед высадкой. Маленькая каменистая планета с жиденькой азотно-кислородной атмосферой, тяготение позволяет на одной лишь мускульной силе перепрыгивать узкие извилистые реки; заурядные углеродные формы жизни, не представляющие интереса. Гамма обработка проведена с достаточной интенсивностью, чтобы не создавалось помех инженерно-десантным группам, поэтому боевых задач командование не ставит – только установка литосферных маяков в ключевых точках, отмеченных исследовательской группой. Высадка проходит успешно, далее – поиск места внедрения маяка, монтаж и установка бурильного оборудования. Два вялых столкновения с неведомо как целевой фауной-все в штатном режиме.

– Нам ещё повезло, что точка внедрения оказалась не посреди океана, как у 76-й группы-бурильщики намного меньше, но возня с погружением сводит это преимущество на нет. – Женька Фадеев – сосед по каюте – без умолку болтает с самого начала высадки. – А 52-ю забросило в какие-то джунгли, его голова без усталости крутится вправо-влево, руки слишком сильно сжимают рукоятки гамма-излучателя. – Нам ещё повезло.

Усиленные гидравликой перчатки скребут гранит, соскабливают последние остатки пены-умное реанимационное вещество на мгновение утрачивает герметичность, выпустив струйку молочно-белой гемолимфы, но тут же собирается в аккуратный кокон, надёжно законсервировав остатки внутренних органов и замкнув основные циклы кровообращения. Солдат бережно заталкивает кокон вглубь грудной клетки, расплющивает края на обрывках обшивки скорлупы, чтобы кокон не вываливался при движении – олеофобное покрытие перчаток сильно облегчает работу, не позволяя пене приклеиваться к рукам. Осталось окончательно оторвать себя от камня-почти вся задняя часть скорлупы все еще крепко приклеена к граниту, сильно ограничивая движения. Нужно как можно скорее восстановить подвижность, далее-наладить связь с группой, изложить ситуацию и запросить помощь.

Солдат снова попытался привести в чувство утопленную в наркотиках память. Яростный толчок под землёй, мелькнувшая серая полоска неба, мгновенно возникшее ощущение невесомости, забитый истерическими криками эфир и темнота-все, что ему удалось вспомнить.

Одного короткого импульса из бортового прыжкового ранца оказалось достаточно, чтобы освободиться наконец от вязкой субстанции, спасшей его жизнь. 34-й поднялся на руках, будто делая упражнение на брусьях, и огляделся. Пещера имела форму приплюснутой полусферы с нагромождени-

ем свежей породы, обозначающим место его прибытия с одной стороны, и отмеченным дорожками вытекшей гемолимфы сужающимся проходом – с другой.

Двигаться на руках оказалось проще, чем он ожидал-гидравлические мышцы скорлупы взяли на себя основную часть работы. Бортовой компьютер завис от превышающего его возможности потока тревожных сигналов о системных сбоях, и машину пришлось перезагрузить.

Отмахнувшись от очевидных тревожных сигналов и от тех, которыми можно пренебречь, солдат отметил два, заслуживающих особого внимания: повреждение топливного регулятора прыжкового двигателя, и критическое повреждение элементов питания скорлупы. С протекающим клапаном сейчас ничего сделать было невозможно-медленно испаряющегося топлива хватит на один хороший прыжок, но не более того, а вот проблему с реактором требовалось решить в самом скором времени: есть опасность или навсегда застрять в обесточенном после истечения пятнадцати аварийных минут корпусе или на мгновение превратиться в маленькое солнышко если коэффициент просачивания антиматерии превысит допустимые параметры. Индикатор этих самых допустимых параметров продвинулся уже на треть деления в глубину красной зоны, и не думал останавливаться.

С трудом протиснувшись в расширяющуюся книзу трещину в скале, солдат продолжил движение ползком в ее недрах, отстранено подумав, что ни за что не смог бы провер-

нуть это, будь у него ноги. Протяженность расщелины, которую следовало преодолеть, по мнению компьютера составляла около трехсот метров, однако узкий лаз никак не хотел идти по прямой, то забираясь на несколько метров вверх, то скатываясь в пропасть, то змеёй виляя из стороны в сторону. Из-за этих перепадов длина пути увеличилась вдвое. В темноте, куда ни разу за всю историю не проникал луч света, не было никаких частот и колебаний, из которых компьютер смог бы составить картинку для визора, а электрооптический преобразователь -защищённое устройство, испускающее поток электронов, позволяющий видеть в темноте-вышел из строя в результате сильной деформации корпуса. О том, какая сила нужна, чтобы смять корпус скорлупы и разорвать его пополам, солдат предпочитал не думать. Из-за той же деформации не раскрылось и правое наплечное реле, на котором был смонтирован сервомеханический манипулятор. К счастью левая «клешня», как ее называли в учебке, осталась работоспособна, и дважды помогла солдату избежать застревания. Проблему ориентирования на местности компьютер решил своеобразно: переформатировал данные от эхолотатора в цифру, и в форме изображения смонтировал на визор. Получившееся в результате ультразвуковое зрение оказалось схематичным, как набросок карандашом, зернистым, и имело ощутимую задержку вкупе с пятиметровым ограничением видимости, однако это было лучше, чем полная слепота. В учебке Сержант обучил его доволь-

ствоваться малым. В числе прочего.

-Вот твое второе тело, сынок,-кажется у Сержанта вовсе не было имени – все звали его просто Сержант,-подойди и получи его. По праву сильного.

Это были последние дни в учебке. Конец августа-самая жаркая пора, но здесь, на полигоне, жара превращалась в ад. Казалось, песок под ногами вот-вот расплавится и потечёт как стекло. Подразделение курсантов, допущенных к прохождению боевого испытания, буквально стояло в луже пота, однако ни один не изменил позы и не опустил подбородок.

Победить Сержанта в рукопашной было невозможно-достаточно продержаться пять минут, чтобы получить броню. За спиной инструктора выстроилась шеренга «Сычей»-так курсанты прозвали «за глаза» универсальный силовой доспех А02 – древний как Ренессанс, но многократно испытанный и надёжный. А02 разрабатывалась в те времена, когда роль тактической боевой брони в сражении ещё не была определена окончательно, поэтому, благодаря модульной конструкции, каждая единица была универсальна как швейцарский нож, и в кратчайшие сроки переоборудовалась почти во что угодно от складского погрузчика до сверхзвукового истребителя.

Несколько позже до командования дошло то, что низшие военные чины знали уже давно: один солдат не может быть и танкистом и летчиком и пилотом боевой брони одновремен-

но, а произвести и оснастить настоящий истребитель несопоставимо проще и дешевле, чем броню, способную в него превращаться. Не говоря уже о складском погрузчике. Головы полетели с плеч, задницы – из кресел, но производственная цепочка была уже запущена, и быстро остановить ее не могли по экономическим соображениям. Разразился грандиозный скандал, по итогу которого Соединённые Штаты Америки стали Разъединёнными, а в России, как позже и во всем цивилизованном мире, провели целый ряд военных реформ, призванных разделить механизированные пехотные войска по родам. Современные силовые бронекостюмы – это узкоспециализированные боевые единицы, выпускаемые сериями. Каждая серия работает в составе подразделения, и предназначена для выполнения комплекса определенных только для неё задач.

Сычи, снятые с производства, проявили себя позже – в эпоху освоения новых миров. Когда ты точно не знаешь, какого рода неприятности могут произойти на далёкой неизвестной планете, лучше прихватить с собой швейцарский нож, чем целый чемодан специальных приспособлений, ни одно из которых может и не понадобиться.

Так «Ашки» постепенно вышли на первый план в деле освоения и колонизации дальнего космоса, а некоторые Американские моно-государства до сих пор не прекратили производство заменяемых модулей и запчастей.

–Курсант Алексей Сысоев, два шага вперед,–Сержант, в

отличие от остальных инструкторов, никогда не повышал голос, но обладал поразительной способностью придавать ему такую силу, что его, казалось, можно было расслышать даже в самой гуще боя.-Ты дожидаясь вечера, боец, когда жара спадёт? Боевую стойку принять.

Сержант не любил красивых «киношных» размахиваний конечностями, пируэтов и рывков – со всеми этими «танцевальными па» он предлагал идти в балет. Удары инструктора казались неуклюжими и небрежными, но загадочным образом каменной твердости кулаки, локти и колени всегда находили цель. Когда Алексей, потратив последние силы на парирование очередного удара, всё равно умудрившегося расцечь бровь, уже начал думать, что больше не выдержит, раздался звук гонга – время вышло.

-Сегодня ты позволил пустить себе кровь,-Сержант даже не сбил дыхание,-твоя, красная, она не стоит ничего. Прежде, чем отправишься далеко в космос на свое первое задание, всю твою красную кровь выкачают, и зальют белую, а вот это уже – секретная военная разработка,-взгляд выцветших голубых глаз устремился в небо, будто был способен разглядеть сквозь тяжёлые облака транспортник дальнего следования «Юрий Гагарин», что через два месяца подготовки должен будет доставить новоиспечённых солдат к выполнению их первого задания.-Не позволяй проливать свою новую кровь, сынок. Можешь выбрать себе броню. Если повезёт – в ней же тебя и похоронят. Разве что ты не планиру-

ешь умереть от старости в мягкой теплой кровати, как твоя бабуля.

Курсант не знал свою бабушку, и против мягкой теплой кровати ничего не имел, но перечить Сержанту было опасно.

Алексей, стараясь не показывать, с каким трудом ему это даётся, поднялся на ноги, и выбрал ту, что была ближе всего, с вытравленным на корпусе числом 34. Номер 34 стал его позывным. И вторым именем.

Рука провалилась в пустоту-это вернуло 34-го к реальности. Мечты о сорока пятиминутном бое с Сержантом в полный контакт вместо того, чтобы находиться в темной пещере, разорванным надвое неизвестной тварью, сменились мрачной настороженностью.

Расщелина вывела в широкий округлый тоннель, с заметным уклоном ведущий из глубины на поверхность. Датчики дыхательных фильтров и сенсорного покрытия брони тут же замигали красным сигналом химической опасности, а «ультразвуковое зрение», наспех смонтированное компьютером ещё в расщелине, резко потеряло в четкости и дальности обзора: очевидно, стены тоннеля были покрыты чем-то, что поглощает звук. Анализатор среды подтвердил мысли солдата, выдав несколько длинных формул, в которых он ничего не мог понять. В комментарии компьютер сообщил, что это чрезвычайно агрессивная смесь кислот с примесью боль-

шого количества диоксида кремния, обладающая умеренной летучестью. Иными словами – едкая липкая кислотная грязь, толстым ковром покрывающая стены тоннеля, и заполнившая его плотным ядовитым туманом испарений.

Немного подумав, компьютер сообщил, что покрытие брони сможет пережить нахождение в грязи при отсутствии деформирующих нагрузок, после чего представил вниманию пользователя «ультразвуковое зрение 2.0». Отслеживая движения мельчайших частиц газа в реальном времени, объединив это с данными от эхолокатора и химических датчиков, а так же – анализатора окружающей среды, компьютер вывел на визор нечто, напомнившее Алексею чёрно-белый вариант расплывчатых масляных картин, которые он видел в детстве в какой-то виртуальной картинной галерее. На все это великолепие машине пришлось задействовать больше половины ресурсов, существенно повысив энергопотребление, что очень не понравилось индикатору поврежденного реактора – красная зона уже была пройдена больше, чем на половину, однако необходимость видеть очертания предметов и, возможно, обитающих в этих тоннелях тварей, стоила риска. Кто-то должен был утащить его ноги-явно не без труда, с частыми остановками, если судить по натекшим лужицам искусственной крови – через расщелину в этот тоннель, а значит опасности следовало ожидать откуда угодно и в любой момент. И лучше иметь возможность увидеть эту опасность заранее.

Инструктора в учебке выработывали у курсантов привычку не задумываясь ставить задачи и ранжировать их по приоритетности, поэтому для солдата не возникало вопроса, что делать дальше: найти нижнюю половину своего тела, извлечь из специальных разгрузочных отсеков брони резервный аккумулятор и портативный гамма-излучатель на случай возможных боевых столкновений. Далее – искать выход на поверхность или хотя бы участок, достаточно близкий к поверхности, чтобы установить связь с группой и запросить помощь.

Компьютер уже засек слабые вибрации, источником которых точно не могли быть естественные процессы – монотонный гул на пределе возможностей акустических датчиков. Вели эти вибрации, разумеется, вглубь тоннеля.

Спустя четверть часа Алексей понял, что поиск резервного аккумулятора не будет лёгкой прогулкой туда-обратно: тоннель внезапно превратился в настоящий лабиринт из пересекающихся под разными углами, ничем не отличающихся друга от друга ответвлений. Парень почувствовал себя муравьём внутри головы сыра, и если бы не компьютер, усердно составляющий трехмерную карту лабиринта по мере продвижения, путь назад отыскать было бы невозможно. Чем глубже в недра планеты вела замысловатая сеть тоннелей, тем сильнее становилась концентрация кислотной грязи и ядовитых испарений. Фильтры первичной очистки воздуха пока справлялись, но вынужденно сбросили производитель-

ность на половину, и забивали систему оповещения тревожными сигналами, так что пришлось их заблокировать. Пространство постепенно наполнялось новыми звуками. Казалось, они исходили из самих стен: щелчки, стрекот и, вроде как скрежет когтей по камню. Компьютер отображал на визоре источники звуков, однако не регистрировал никаких движений. Солдата не оставляло ощущение, что он идёт прямо в ловушку, но красный индикатор реактора не оставлял выбора. Руководствуясь какими-то, ему одному известными признаками, компьютер прокладывал маршрут в головокружительном лабиринте тоннелей, который должен был провести пользователя к запасному аккумулятору. Парню оставалось только положиться на аналитическую силу машины и продолжать движение вперёд.

На ходу Алексей пытался прикинуть, сколько времени стимуляторы ещё смогут удерживать ту лавину боли и паники, отголоски которой он неясно ощущал где-то в глубине, будто топот беснующегося соседа этажом ниже. Время действия наркотиков – от 12 до 16 часов, компьютер утверждает, что со времени высадки прошло 18 часов и 37 минут. Около часа группа добиралась до места внедрения маяка, ещё два часа ушло на сражения с местной фауной и установку бура. Сколько времени прошло с момента атаки до момента пробуждения? Час – полтора? Солдат пока не чувствовал первых признаков окончания действия стимуляторов: проявление эмоций, расфокусировка внимания, слабость и апа-

тия. «С отмены на измену», как шутили курсанты, которым неизвестно каким образом удалось заполучить один флакон. Боль приходит последней – до этого момента нужно успеть послать сигнал своим. Если реактор не взорвется раньше.

Солдат наткнулся на них спустя ещё четверть часа. очередной тоннель неожиданно вывел в широкую пещеру, потолок и пол которой были усеяны сосульками сталактитов и шипами сталагмитов, производя впечатление зубастой пасти. Стены терялись где-то за пределами зоны видимости.

Нижняя часть его тела, все ещё облачённая в доспехи, валялась в грязи, с ногами, раскинутыми вокруг одного из сталагмитов, прижатая к нему пахом в попытке обеспечить устойчивость положения. Внутри торса, глубоко погрузив морду и влажно чавкая, копошилась тварь величиной с собаку. Ее веретенообразное сегментированное тело было целиком покрыто плотным, усеянным иглами длинных гибких шипов панцирем. Панцирь великолепно отражал звук, поэтому существо предстало перед Алексеем во всем своем омерзительном великолепии. Рядом, вокруг принимающей пищу твари, сидели ещё четыре. Треугольные, по-собачьи вытянутые морды без признаков каких-либо органов чувств – сплошная пасть с тремя зубастыми челюстями, сходящимися в конус – одновременно повернулись в сторону Алексея; короткие и мощные задние лапы пригнулись, будто для прыжка, шипы согнулись как лапки паука, и глубоко погрузились в грязь.

Компьютер уже подал сигнал тревоги и подсветил цели – включая ещё восемь, выявленных по косвенным признакам, которых солдат не видел.

Алексей оцепенел, не в силах оторвать взгляд от пирующей его мясом твари. Сосед с нижнего этажа уже покинул свою квартиру и стоял перед дверью. От замочной скважины повеяло холодом.

«Эта тварь жрет мое мясо! Оно пожирает мое мясо, а другие ждут своей очереди!»

Чудовищным усилием воли солдату удалось подавить волну паники и сделать глубокий вдох, потом ещё один, и ещё. Пульс, подскочивший до 180 ударов в минуту, медленно начал приходить в норму. На панику нет времени – нужно спешить. Аккумулятор совсем рядом – осталось только придумать, как его добыть.

На запрос компьютер ответил, что в его базе данных отсутствует ксенологическая библиотека, но на основании визуального осмотра он может сделать кое-какие выводы. Если тоннели – их естественная среда обитания, то твари, вероятно, лишены зрения, а так же частично или полностью – слуха; при помощи «паучьих лапок» они способны улавливать тончайшие вибрации, которые так же могут создавать сами, постукивая ими по твердым, легко передающим звук поверхностям – это их основной способ ориентирования. Судя по строению передних лап, тоннели вырыли не они, но они, возможно, их укрепили, размазывая по стенам кислотную грязь,

как это делают дети при помощи морской воды, строя песчаные замки и роя свои маленькие тоннели на пляжах Земли.

Алексей прервал рассуждения компьютера – все это он, в общих чертах, сообразил сам.

В качестве тактики компьютер предложил использовать элемент неожиданности: быстро сократить расстояние при помощи импульса из прыжкового ранца, погасить инерцию движения, расплющив мягкую голову пирующей твари о сталагмит, завладеть гамма-излучателем и уничтожить оставшихся тварей. К выводам были приложены расчеты необходимой силы импульса и траектории полета. В завершении компьютер указал, что их зубы и когти не способны причинить вред броне, однако открытую уязвимую часть торса следует беречь.

Твари сидели не меняя позы и не шевелясь, лишь мелко сучили своими «паучьими лапками» и широко раскрыли пасти, сделавшись похожими на уродливые цветы с тремя лепестками. Очевидно, они каким-то образом видели Алексея, и сейчас пытались сообразить, что именно видят. Пятая из видимых солдату тварей, не обращая ни на что внимания, продолжала громко жрать.

План компьютера был оптимален за исключением того момента, где предполагалось истратить последнее топливо. По не понятной ему самому до конца причине, Алексей не хотел использовать прыжковый ранец. Какие-то смутные воспоминания, рекомендации инструкторов расходовать ре-

сурсы в режиме выживания так, будто отрываешь и выбрасываешь части тела, мельтешили в памяти. Парень решил, что частей тела у него и так не слишком много, а план можно и подкорректировать. Пошарив в грязи, он обнаружил небольшой твердый камешек и, стараясь не делать лишних и слишком резких движений, одной кистью руки швырнул его так далеко, как только смог. Совершенно уверенный, что этот трюк подействует разве что на собаку из мультика, Алексей был удивлен результатом: массивные на вид твари легко, будто отпущенные пружины, сорвались с места и упорхнули в направлении броска, издавая частые неритмичные пощелкивания.

Тремя мощными гребками солдат набрал скорость и, выставив перед собой правое предплечье налетел на тварь, как раз в этот момент оторвавшуюся от трапезы. Благодаря слабой гравитации планеты, позволившей набрать приличную скорость, удар получился разрушительным – голова чудовища брызнула как брошенный в стену помидор, тело изогнулось дугой, когтистые лапы заскребли по броне. Алексей отбросил в грязь дергающуюся тушу и уже искал на правом бедре запорный механизм, когда почувствовал серию ударов в спину – одна из тварей, бывшая ранее незаметной, ломала когти и зубы в тщетной попытке пробиться через покрытие брони. Отдав команду компьютеру разобраться, и предоставив доступ к манипулятору, солдат нащупал клавишу запорного механизма, выхватил излучатель, перевел в режим

верного огня и, не целясь, одним выстрелом испарил пятерых тварей буквально в метре от себя. После этого он перевел оружие в режим стрельбы одиночными, и методично, как на стрельбище, расстрелял остальных. Не существует брони или препятствий, способных защитить от сфокусированного луча гамма-излучателя – тварей расплыло на атомы и аэрозолем выдувало через отверстия в панцирях. Обугленные дымящиеся раковины пустыми падали в грязь, рассыпаясь на фрагменты. Тем временем манипулятор под управлением компьютера завис перед мордой засевшей на спине твари, дождался, пока та откроет пасть, и молниеносным, точным ударом, словно копьем, пронзил ее до середины тела, превратив внутренности в кашу.

Второй бой в жизни Алексея занял меньше минуты, но третий не заставил себя долго ждать.

Стрекот тысяч кастаньет заполнил пространство, запорошив зрение шумом помех, по полу и потолку пещеры пошли волны, стали видны далёкие стены: прямо из них как по волшебству полезли новые твари. Компьютер забил тревогу и настоятельно порекомендовал отступить: на визоре высвечивались все новые и новые отметки целей.

Сперва их были десятки, потом сотни – живая щёлкающая и стрекочущая волна со всех сторон устремила к маленькому островку, центром которого была прижавшаяся к стенке сталагмита человеческая фигурка.

Алексей в самый последний момент успел перевести из-

лучатель в режим активной круговой обороны и, подняв оружие над головой, словно факел, выжал гашетку ведения огня до упора, активировав режим максимальной мощности. Воздух загудел от выпущенной в единый момент мощи, все поле зрения заволочло белой пеленой, но перед тем как это случилось, солдат успел увидеть как молниеносно расширяющаяся сфера света легко отбрасывает и рвет на части налетевшую на нее живую волну, уносит прочь то, что не успела испарить.

Считанные мгновения тишины в белом мареве, в которые Алексей гадал, ощущая текущие по щекам слезы, восстановится ли зрение или вспышка выжгла глаза, сменились приближающимся яростным перещёлкиванием кастаньет – будто десяток счётчиков Гейгера одновременно поднесли к источнику радиации. Он почувствовал как его толкают, хватают, тянут в разные стороны, частой дробью ударов осыпают обшивку со всех сторон в попытках найти уязвимое место. Все, что мог сделать Алексей – это сгруппироваться и прикрыть бронированными руками успевший затвердеть кокон реанимационной пены, в котором болтались остатки его внутренностей.

Теннисный мяч во время игры. Резиновая игрушка, которую треплет щенок. Ворох белья в барабане стиральной машины. Алексей не знал, сколько времени это продолжалось, но когда внезапно всё разом прекратилось, тишина показалась оглушительной, а состояние покоя – головокружи-

тельным. И в этой оглушительной тишине он услышал рев – глубокий клокочущий звук, будто кто-то огромный шумно полощет горло. Зрение уже начало постепенно восстанавливаться, и Алексей увидел мечущиеся росчерки тварей, бесшумно спешащих вновь скрыться в своих норах. Он попытался приподняться и сориентироваться, как вдруг почувствовал что земля задрожала, вызывая в памяти образ приближающегося поезда. Что-то стремительное и неудержимое как бушующая стихия налетело на Алексея, схватило, ударило о стену, потом об пол, и поволокло головой вперёд со скоростью поезда в метро, ударяясь о стены и ломая препятствия. Солдат слышал скрежет брони по граниту, чувствовал как им, словно цепным моргенштерном проламывают стены тоннеля. Удары были на столько сильными и частыми, что амортизирующая подкладка брони не могла погасить их инерцию полностью, и Алексей почувствовал себя боксерской грушей в спортивном зале. Однажды на фоне стремительно проносящихся мимо стен и ответвлений тоннеля солдату померещился проблеск естественного дневного света. От очередного удара чудовищной силы из глаз посыпались искры, послышался скрежет металла и, как бы звон лопнувшей струны. Секунду длилось ощущение свободного полета в безумном вращении волчком, после чего последовало несколько столкновений со скалой, и все прекратилось.

Алексея охватила апатия. У всего на свете есть предел, и парень понял, что достиг своего. Компьютер снова за-

вис, усугубляя чувство одиночества, индикатор просачивания антиматерии из реактора проскочил уже всю красную зону, и взрыв может произойти теперь в любую секунду; резервный аккумулятор добыть так и не удалось; оружие, которое и так было почти разряжено – утеряно. К тому же он смертельно ранен и не имеет ни малейшего представления о том, где сейчас находится и в каком направлении следует двигаться. И нужно ли двигаться вообще.

Внезапно Алексей с полной ясностью осознал, что дальше его не ждёт ничего, кроме ужаса, боли и, если повезёт – мгновенной, как вспышка на Солнце, смерти. Больше всего он боялся того момента, когда закончится время действия стимуляторов, и придет боль. Он не мог себе даже представить, какая боль ждёт человека, разорванного надвое, и каким-то чудом сумевшего пережить это. Алексей четко осознавал, что смог сохранить сознание и присутствие духа только благодаря стимуляторам, а сейчас их действие подходило к концу, и тот факт, что у него появились такие мысли только подтверждает это.

Он почувствовал, как сосед с нижнего этажа плотоядно ухмыляется, нежно гладит рукой тающую на глазах дверь. Но есть другой путь. Это будет не больно и не на столько страшно, как то, что ждёт впереди. Эта внезапная мысль сбила дыхание, словно резкий удар в солнечное сплетение. Руки, все ещё сцепленные в замок вокруг кокона, вздрогнули, будто в нетерпении подталкивая его к правильному решению. Нет

ни единого шанса выбраться отсюда живым – руки сдавили кокон сильнее. Шансов не было с самого начала, теперь он это понимает – руки приготовились разорвать оболочку как пакет с чипсами. Больно не будет – нужно только запустить руку в грудную клетку, минуя диафрагму найти сердце и...

Вдруг ожила рация: успевший перезагрузиться компьютер согласно протоколу просканировал все известные ему частоты, и наткнувшись на сигнал с наивысшим приоритетом, сразу осуществил подключение.

–...рий Гагарин...ветьте, прием. – Голос молодой девушки звучал так, будто она произносит это уже не первый десяток раз. – Кажется есть сигнал! На восемьдесят третьей! Пытаюсь стабилизировать. Тридцать четвертый, ответьте, вы там? На связи Юрий Гагарин, ответьте, прием!

–Дайте сюда эту штуку, – голос Сержанта спокойный, но натянутый как струна, готовая лопнуть, шуршание и стук, – Тридцать четвертый, ты на связи? Лёша, ты там, ответь?! – Куда-то в сторону, – Вы уверены, что эта хреновина работает? Я ничего тут не нажал?

–Приём, – Алексея испугал собственный голос. Это было больше похоже на звериное рычание, чем на человеческую речь. Парень не мог разжать челюсть, и поэтому приходилось проталкивать слова принятого по уставу доклада сквозь зубы, будто он безуспешно пытается обуздать неудержимую звериную ярость.

–Отставить, солдат. Докладывать по форме будешь в дру-

гой раз, при личной встрече и более спокойной обстановке. Рассказывай своими словами, четко и быстро – у нас очень мало времени.

И он рассказал, с облегчением сократив повествование до нескольких простых предложений.

–Нападение неустановленного противника. Связь с группой потеряна. Смертельно ранен, пока стабилен. Не боеспособен. Дезориентирован. Стимуляторы. Почти всё. Запрашиваю срочную эвакуацию.

Молчание длилось несколько секунд. Алексей представил Сержанта на мостике "Юрия Гагарина", в трёхстах тысячах километров отсюда склонившегося над приборной панелью и в задумчивости постукивающего подушечкой указательного пальца по нижней губе.

–Значит так, солдат. Сперва хорошие новости: спустя час после того, как связь с твоей группой была потеряна, был отдан приказ восемнадцатой группе в ускоренном темпе завершать работу и лететь на выручку. Восемнадцатая – ближайšie к вам соседи, но их маршрут предполагает пересечение пустыни, а там как раз эта чертова песчаная буря разыгралась. Короче, они на всех парах летят к тебе прямо сквозь неё. Это займет намного больше времени, чем мы предполагали, но с эвакуацией вопрос, можно сказать, решённый. Далее. После того, как обнаружили твой сигнал, мы сразу просканировали местность и составили детальную карту... Твой компьютер нормально работает? Хорошо. Мы составили де-

тальную карту всего твоего окружения, и уже пересылаем ее тебе.

Компьютер жизнерадостно пискнул, сообщив о получении новых данных, и запросил цель для прокладки маршрута.

–Теперь плохие новости, сынок. Вся твоя группа погибла. Наши головастики пытаются понять, что произошло, но данных слишком мало. И бур, который вы успели установить, похоже, вышел из строя. – Он помолчал, подбирая слова. – Понимаешь, техники говорят, что он отвечает на запросы и уверяет, что работа идёт в штатном режиме, но если бы дела обстояли так, он уже давно дал бы зелёный свет. Короче, тебе придется добраться до него и посмотреть что там и как. Делать ничего пока не нужно: добираешься до ствола шахты, производишь визуальный осмотр и связываешься с нами. Дальше техники будут говорить тебе, что делать. И торопись, сынок – то окно возможностей, о котором говорилось на брифинге, уже наступило. Через несколько часов движение планеты перескочит на новый цикл, и чтобы её терраформировать и стабилизировать орбиту придется ждать лет двести пятьдесят. Не знаю, как ты, а я так долго ждать не хочу. Точку встречи с эвакуационной группой назначим у входа в ствол шахты – ребята найдут способ тебя вытащить. Задача ясна, боец?

–Принято.

–Тогда ноги в руки, и вперёд. Отбой.

– Думаешь, он справится? – Тучный седой адмирал уже несколько минут не сводил внимательного взгляда с Сержанта, в глубокой задумчивости постукивающего подушечкой указательного пальца по нижней губе.

– С тем, чтобы добраться от пункта А до пункта Б по проложенному компьютером маршруту? Он кто по-твоему, утка какая-то?

– Ты понял, о чем я, – адмирал не отвел взгляд, – ты его голос слышал?

С минуту оба молчали, пытаясь осмыслить, через что должен был пройти человек, чтобы его голос заставил повидавших многое пожилых солдат ощутить холодок, пробежавший по спине.

– Зачем вас вообще сюда прислали? – Нарушил молчание адмирал. – Они же ещё дети.

– А кого надо было, – вспыхнул Сержант, – Корпус Марсианских Ветеранов? Чтобы сотню маяков установить? С ними опытные боевые офицеры. Проблем вообще никаких не должно было возникнуть. Да их и нет, – он махнул рукой в сторону монитора с картой полушария, – у всех код зелёный. Кроме этой долбаной тринадцатой – вот и не верь после этого в нумерологию.

– А что он там про какие-то стимуляторы говорил?

– Боевые стимуляторы. В медицинском модуле скорлупы установлен инжектор, в нем безумная смесь лютейшей химии – впрыскивается автоматически только в самых безвы-

ходных, критических ситуациях. Химия там хитрая – нужный эффект даёт только при сочетании определенных гормонов в определенных пропорциях, иначе действует просто как мощный галлюциноген. Я лишь однажды своими глазами видел: человека в чудовище за несколько секунд превращает; пялится как долбаный робот, на свежих кровавых обрубках быстрее нас с тобой бегаёт – ни боли ни эмоций, только задача. Остановить этот живой танк даже без брони – дело непростое. Живёт такой боец недолго, но дел натворит – будь здоров.

–И что он там сейчас под этой... штукой натворить может?

–Ничего. – Сержант устало провел ладонью по лицу. – У нас ведь инженерно-разведывательный корпус, Андрей Михалыч. Такими инжекторами оснащаются только скорлупки элитных боевых подразделений.

Несколько минут Алексей неподвижно лежал, уставившись пустым взглядом в низко нависающий свод пещеры, пытаясь хотя бы мысленно пронзить толстую шкуру планеты и дотянуться до орбиты, по которой кружится "Юрий Гагарин". Там светло и безопасно. Там простая, но вкусная еда, крошечная, но уютная двухместная каюта. Покер втихую перед отбоем. Там люди. Он ощутил влагу, тонким ручейком сбежавшую по щеке. Смешанные чувства облегчения от того, что удалось выйти на связь со своими, что за ним уже

летят, и горького разочарования от того, что снова придется ползти по запутанным тоннелям, наполненным жуткими тварями погрузили парня в транс, едва не перешедший в сон.

Вечно неунывающий компьютер привёл его в чувства, сообщив, что вместо потерянного левого манипулятора вдру активировался правый, и попросил открыть к нему доступ, чтобы он мог защищать пользователя от нападений со спины. Похоже, от очередного удара корпус, державшийся, по видимому, на одних молитвах главного механика, перекосило теперь в другую сторону. Алексей понимал, что машина всего лишь выполняет свою работу, для которой и была запрограммирована, но все равно испытывал жгучую благодарность.

Левая рука действовала как-то неправильно. Что это, перелом, вывих или поврежденная гидравлика понять было невозможно.

По мере приближения к синей точке на карте, обозначающей место, где должно находиться жало бура, вокруг становилось немного светлее. Долгое время это было незаметно, пока прибор ночного видения не начал регистрировать достаточное количество фотонов, чтобы компьютер смог его использовать. Солдат решил, что все эти частички света каким-то образом добираются сюда через ствол шахты, которую успел проделать бур до того как произошла поломка.

Несколько раз на пути солдату встречались большие группы панцирных тварей, однако обнаружив его, они бросались

наутёк и быстро исчезали в стенах.

Путь до шахты занял полчаса. Огромный бур высотой с двухэтажный дом продолжал шумно работать, раскидывая землю. Вокруг его корпуса несколько раз обвилось не то щупальце не то корень толщиной с тело человека. Корнешупальце сдавило корпус с такой силой, что в нескольких местах он заметно прогнулся, но не было похоже, что это как-то сказывается на работе установки. Из подручных средств, которые хоть как-то можно было применить в качестве орудия остался только правый манипулятор, способный трансформироваться в бур или дисковую фрезу в зависимости от конфигурации пальцев. Острые грани благодаря алмазному напылению могут легко резать гранит. Этот дорогой инструмент был создан для сбора образцов горной породы почти любого класса твердости.

Дело пошло быстро – через четверть часа на землю упал, влажно чавкнув, первый сочащийся вязкой черной субстанцией кусок размером с бедро человека. Увлеченный работой, Алексей не заметил как к нему подобралось другое корнешупальце, спеленало как ребенка, плотно прижав руки к туловищу, и утащило в темноту так быстро, что Алексей не успел даже вскрикнуть.

Оказывается всё огромное множество тоннелей в этой области сходится в одну точку: гигантский подземный грот, дно которого заполнено озером кислотной грязи, покрывавшей стены тоннелей. Из озера, словно корни перевернуто-

го дерева расползаются по тоннелям десятки корнешупалец. Одно из них зависло в нескольких сотнях метров над озером, крепко сжимая хрупкую маленькую фигурку. Поверхность озера забурлила, пошла волнами. Что-то медленно понималось из глубины. Что-то огромное и неповоротливое. Древнее чудовище из мифических сказок далёких предков. Показалась пасть, напоминающая жерло вулкана, грязь в ней клокотала и бурлила сильнее всего. Внезапно пасть сократилась как гигантский сфинктер, извергнув фонтан грязи; раздался громкий клокочущий звук. Освободившись от масс грязи, сфинктер начал сокращаться неправдоподобно быстро для своих размеров, издавая более тихие, влажные квакающие звуки. Алексей со все возрастающим ужасом осознал, что чудовище пытается имитировать ритм и звук его сердцебиения. Каким-то образом он почувствовал, что его внимательно изучают. Сознание затуманилось, голова наполнилась странными образами, суть которых невозможно передать человеческим языком. Чудовище ворвалось в его сознание – препятствовать этому было не проще, чем накатывающей морской волне. Алексей почувствовал, как оно роется в его воспоминаниях, бесцеремонно, словно ребенок в коробке с игрушками, перебирает образы и аналогии, прикладывает одно к другому, поворачивает так и эдак, пытается сопоставлять, чтобы получить целостную картинку. Затем новый поток образов, ожидание ответной реакции от сознания Алексея, и новый поток, и снова и снова. Все это время частый

как у кролика, пойманного змеёй пульс в точности дублируется сфинктером внизу.

Неожиданно один из образов, проплывающих перед внутренним взором, привлекает внимание. Белые кирпичные стены, старый уличный термометр в виде муляжной пчелы на кухонном окне, зелёная крыша, каштан в цвету, детская игровая площадка. "Мой дом".

Поток образов мгновенно останавливается. Появляется картинка с домом, пропадает, появляется снова, и снова пропадает. Оно пытается говорить со мной, – понял Алексей, – ищет образы, которые в моем сознании трактуются аналогично тому, что оно хочет сказать. Оно говорит...

– "Мой дом".

Волна тепла ласково омывает сознание парня: его только что "погладили по голове".

После этого начинается интенсивная работа: поток образов превратился в бушующий водоворот, в центре которого – маленькое, съежившееся от ужаса и боли существо умоляет остановиться, прекратить. Не спасали ни плотно закрытые глаза, ни крики, разрывающие голосовые связки. Вне пространства, вне времени, более голый, чем ребенок при рождении, разложенный на молекулы, на атомы, на спектр света, собранный вновь, неправильно, и вновь разложенный.

Когда все закончилось, внезапно и сразу, Алексей не был способен даже кричать. Подавленный, разрушенный он с трудом осознавал себя. Он плакал и скулил, пытался хоть

как-то сгрести в кучу обрывки того, что раньше было им, и снова скулил. Лишь где-то в самой глубине он продолжал ощущать что-то цельное, не тронутое, словно плотное металлическое ядро, вокруг которого формируется планета. Там, внутри все ещё оставалась какая-то сила, не позволяющая всему разлететься окончательно, там металась какая-то мысль. Дать. Команду. Компьютеру.

Перед внутренним взором требовательно висели в пустоте четыре образа. Вопрос неведомого, непостижимого разума, значение которого невозможно было не понять, потому что он был задан на Их языке. Языке, созданном только что благодаря мощной способности к эмпатии и не поддающейся оценке человеческими мерками аналитической силе. Языке, на котором способны говорить лишь два живых существа во Вселенной.

"Дом". "Пасущееся стадо коров на залитом светом луге". "Толпа людей в набедренных повязках, тянущая огромный каменный блок к строящейся пирамиде". "Женщина с завязанными глазами и весами в руке".

—"Мой дом. Мой скот. Мои слуги. По какому праву."

Ответ, продиктованный той несокрушимой железной силой, сдерживающей искалеченные обрубки личности от полного распада, вырвался сам собой, не осмысленный, естественный как дыхание. Лозунг его народа. Доктрина, привитая с детства.

"Фемида. Женщина, олицетворяющая правосудие". "Ру-

ка, сжатая в кулак".

–"По праву". "Сильного".

Чужое сознание отпрянуло, как от кипятка. Алексей почувствовал брезгливость и ярость, но вместе с тем – некоторую степень свободы.

Дать. Команду. Компьютеру.

Какую? Какую команду?

"Фемида". "Рука, сжатая в кулак". "Паук, впившийся в муху", -был ответ.

Дать. Команду. Компьютеру.

–"По праву". "Сильного". "Будешь поглощён".

Дать. Команду. Компьютеру.

Проблеск догадки полоснул, будто солнечный зайчик по глазам.

Алексей оскалился в безумной плотоядной ухмылке соседа с нижнего этажа, и отдал приказ.

Не удерживаемый петлей корнешупальца манипулятор змеёй метнулся к гермозатворам, двумя чёткими движениями отстегнул клеммы и бросил потерявший форму, почерневший, искрящийся микрореактор антиматерии вниз, прямо в пульсирующую пасть.

Он не видел взрыва: к тому моменту, как реактор достиг кислоты, служившей древнему чудовищу и кровью, и частью системы внешнего пищеварения, и превратил в чистую энергию всю материю в радиусе нескольких километров вокруг, Алексей потерял сознание, раздавленный последним мыс-

ленным криком чудовища, полным ярости и отчаяния. Последнее, что увидел парень перед тем как отключиться – посланный чудищем устрашающий образ чёрного креста.

Его привел в чувства взволнованный голос Сержанта. Естественное освещение, от которого успели отвыкнуть глаза, причиняло боль. Нестерпимо зудели ноги, хотелось пить, и помочиться.

–Леша, ответь. Ты живой? Прием.

–Прием,-прошелестела сухая бумага человеческим голосом, – Препятствие. Устранено. Маяк...

–Маяк на месте, Леша. Уж не знаю, каким чудом, но он почти точно там, где и должен быть – где-то на дне того кратера, что ты проделал. В пределах допустимой погрешности.

–Реактор. Аварийное питание. Срочная эвакуация, – говорить получалось только на вдохе, и с большим трудом.

Он лежал на самом краю дымящегося кратера размером со звездолёт. Осыпавшийся край кратера чернел на фоне затянутого розоватыми облаками неба в нескольких десятках метров – допрыгнуть можно, будь у него ноги. Моросил лёгкий как аэрозоль дождик.

–Эвакуации не будет, сынок. Я уже отдал приказ восемнадцатой, они возвращаются на Гагарина. То окно возможностей, – он запнулся, – через сорок пять минут мы начнем бомбардировку. Уверен, ты все понимаешь. Безупречная служба, солдат. Там, на Земле есть кто-то? Нужно что-нибудь передать кому-то? Алексей?

–Принято. – Он отключил связь и откинулся на спину, любуясь причудливыми розовыми барашками, проплывающими в вышине.

Почему-то он испытывал сейчас облегчение, словно лучник, слишком долго державший тетиву натянутой, и наконец получивший разрешение отпустить.

В правом нижнем углу визора, где располагалась информационная панель, больше не горело никаких тревожных пиктограмм – только счётчик, отмеряющий последние минуты его жизни. Их оставалось чуть больше шести. О чем думать в свои последние минуты? Он был ещё слишком молод, чтобы задавать себе подобные вопросы. Почему-то ему вспомнилось лицо девочки-связистки, что улыбнулась ему в столовой. Это было двадцать восемь часов назад.

Где-то недалеко упал тяжёлый пласт породы, отвалившийся от края кратера...И приземлившись он издал глухой металлический звук. Больше по привычке реагировать на странные сигналы, Алексей повернул голову в направлении звука. И увидел торчащую из-под завала ногу.

В учебке тебя учат ставить перед собой задачи и ранжировать их по степени важности на лету, не задумываясь. Ещё не успев осознать план действий, Алексей уже приступил к его выполнению. Измученное тело отказывалось повиноваться, но парень зашёл уже слишком далеко, чтобы сдаваться когда спасение так близко. Откопать свои ноги, извлечь резервный аккумулятор, приказать компьютеру проложить маршрут до

челнока, расположение которого ему ранее переслал "Гагарин" с подробной картой местности, воспользоваться оставшимися в баке прыжкового ранца парами топлива, чтобы выбраться из кратера и, быть может, долететь одним прыжком до челнока.

Если выживу, – думал Алексей, роя руками мокрую землю пополам с фрагментами горной породы, – вернусь сюда с первыми колонистами. Хочется помочь тут все начать заново. Хочется создать что-то. Построить.

А ещё ему очень хотелось ещё раз увидеть девочку-связистку.

И ещё – в чем он теперь стеснялся признаться даже себе самому: доползти до мягкой теплой кровати.